

II

· «Соплились семь мужиков...»

Замысел нового произведения Некрасова как нельзя более соответствовал задачам, которые ставила перед литературой сама пореформенная действительность. В результате революционной ситуации 1859—1861 годов «перемены декораций», революционного переворота не произошло. Почему, в силу каких причин? Этому вопросу не могли не ставить перед собой уцелевшие в борьбе революционеры демократы, в том числе Николай Алексеевич Некрасов. Видимо, причины эти нужно было искать в каких-то особенностях общественной жизни России, соотношении классовых сил в стране, особенностях социального облика крестьянства, крестьянского движения этого времени.

Как ни трудно складывались в годы наступающей реакции условия русской жизни, вопрос крестьянской революции для уцелевших революционных демократов становился вопросом не сегодняшнего и даже не завтрашнего дня, но именно это «трудное время» выдвигало перед ним новые задачи. Предстояло осмыслить горький опыт народной борьбы предшествующих лет, понять крестьянскую Русь во всех ее кричащих противоречиях, в ее силе и слабости, указать на то, что помешало в борьбе, что нужно преодолеть во имя победы в грядущем, и все это исходя не из субъективных добрых желаний, а из анализа реальных фактов и конфликтов, — вот в чем состояла задача, и Некрасов, как никто из писателей пореформенных лет, был подведен к ее решению внутренней логикой всего своего предшествующего творчества. «Николай Алексеевич, — вспоминал Г. И. Успенский, — много думал над этим произведением, надеясь создать в нем „народную книгу“, то есть книгу полезную, понятную народу и правдивую».¹

---

¹ Успенский Г. И. Кому на Руси жить хорошо. Письмо в редакцию // Пчела. 1878. № 2.

Есть все основания утверждать, что замысел «Кому на Руси...» вынашивался автором в течение нескольких лет. Непосредственная работа над «Прологом» и I частью падает на 1864—1865 годы,² но все, о чем рассказывается в них, подсказано Некрасову реальными впечатлениями тех лет, когда был оглашен царский манифест и мужицкая Русь волновалась «в избытке благодарности».

Некрасов однажды сказал: «У всякого писателя есть своя своеобразность, — у меня реальность».³ Действительно, как художник он чаще шел от непосредственных наблюдений, фактов. Истоки поэмы «Кому на Руси...» и нужно искать в самой жизни, в тех общественных событиях, свидетелем которых был поэт. Связи некрасовской эпопеи с революционной действительностью очень многообразны и никак не могут быть сведены к указанию на образ Гриши Добросклонова. В современном литературоведении «Кому на Руси...» рассматривается в тесной связи с бунтарскими настроениями крепостных крестьян, с народными политическими толками и слухами.

На какие же впечатления действительности опирался Некрасов, что наблюдал он в годы подготовки и проведения «освобождения»?

1860 год, Грешнево. Поэт приехал на охоту.

Сходится в хате моей —
Больше и больше народу:
«Ну, говори поскорей,
Что ты слышал про свободу?...» (II, 101)

Так в последних строках стихотворения «Деревенские новости» (1860) зафиксировал Некрасов страстное ожидание «воли», которым было охвачено не только ярославское, но все русское крестьянство.

Ждал манифеста и сам поэт... Тем горше было его разочарование: «Так вот что такое эта „воля“. Вот что такое она!»⁴ Или: «Да разве это настоящая воля! Нет, это чистый обман, издевательство над крестьянами!»⁵ Разочарованный резуль-

---

² На перебеленной рукописи последней главы 1-й части поэмы — авторская дата: 1865.

³ Панаева А. Воспоминания. М., 1948. С. 342.

⁴ Чернышевский Н. Г. Заметки о Некрасове // Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1939. Т. 1. С. 747.

⁵ Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого // Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 476.

татами реформы, поэт, естественно, еще пристальнее стал присматриваться к тому, как воспринял царский манифест сам вчера крепостной, а ныне временнообязанный крестьянин.

Страстно ждавшее «настоящей воли» крестьянство враждебно встретило манифест. Почти во всех губерниях возникли беспорядки. Больше всего волновал крестьян вопрос о земле. «Землю, находящуюся в их пользовании, они считают своей собственностью... По народным понятиям, воли без земли нет», — свидетельствовал один из современников Некрасова.⁶ «Отрезки», т. е. выделение лучших кусков земли в пользу помещиков, воспринимались крестьянами как прямое посягательство на их собственность. «Не давая пахать оттягиваемой земли, крестьяне ложились в борозды, где должна была проходить соха» (III, 659), — записал Некрасов, с волнением следивший за ходом реформы.

После манифеста «освобожденный» крестьянин остался, как и прежде, забитым и обобранным. Однако как ни забит и принижен вышел он из рук «господ эмансипаторов» (выражение Чернышевского), как ни ничтожны были изменения в его экономическом положении, все, однако, «переворотилось» и не могло уложиться по-прежнему. Реформа и пореформенные годы разбудили народ от векового сна. Проснувшийся «мужик» сам стал искать пути своего спасения.

Деревня проснулась, деревня боролась. 1861—1863 годы дают небывалый рост крестьянского движения. За один 1861 год — 1176 бунтов, подавляемых с помощью воинских и пожарных команд. Вот несколько фактов из одной только ярославской, так хорошо известной Некрасову, действительности.

Полтора года не платят крестьяне, несмотря на его требования, оброка Алексею Сергеевичу Некрасову. Не исполняют повинности временнообязанные крестьяне помещика Гордеева Мологского уезда. Крестьянин Сергей Васильев, «с большой дерзостью крича и махая руками», сказал помещику: «Пойдешь по миру». «Как так?» — спросил Гордеев. И на это Сергей Васильев «с грубостью и азартом» ответил: «А на что огонь?»

Помещику Обрезкову Даниловского уезда крестьяне уже подпустили «красного петуха». В «Ярославских губернских

---

⁶ *Попельницкий А.* Как принято было Положение 19 февраля крестьянами // *Современный мир.* 1911. № 2. С. 214.

ведомостях» (1861. № 16 и 28) печатались сообщения о том, что крестьяне рубят помещичьи леса, отказываются работать на помещиков. А в № 15 сообщалось о «некоторых беспорядках» по Ростовскому, Угличскому и Рыбинскому уездам. «Итак, — пишет В. Архипов, из книги которого взяты приведенные выше факты, — приехав в Ярославль в 1861 году, Некрасов увидел развороченный крестьянский быт, услышал, как стоном стонет старая помещичья Россия... как непокорная Ярославщина бунтует, как трещат леса, горят усадьбы и деревни...»⁷ И так было повсеместно. «Красные петухи» гуляли тогда по всей Руси, и, конечно, не только ярославская действительность была в поле зрения поэта. Но, наблюдая рост бунтарских настроений в деревне, понял Некрасов и другое. Пускала «красного петуха», поднималась с оружием в руках все-таки меньшая часть крестьянства. А вот ЗАДУМАЛАСЬ над своим положением, причинами его — вся мужицкая Русь.

Начиналось с повседневного, с того, что волновало. Встретились два мужика на дороге. «Ну, как, размежевались со своим-то?» — «Знамо дело, как не размежеваться?» Обмен информацией переходил в спор, в обсуждение общего и главного вопроса, вопроса о земле и о воле.

В деревнях появился новый, созданный временем тип крестьянина: азартного спорщика, крикуна, «бойкого говоруна».⁸ Особенно этим отличились те, кто побывал в отхожих промыслах, в городах. Вот эти-то умудренные жизненным опытом, обладавшие более четким социальным мышлением крестьяне, бродя из деревни в деревню, и выступали в качестве распространителей толков и слухов. Эти «бойкие говоруны» ораторствовали на сходках, собирали вокруг себя толпу на ярмарке, обостряли спор, возникший в кабаке. В годы проведения реформы проезжая дорога, ярмарка, кабак сделались, по меткому выражению В. Г. Базанова, своеобразным дискуссионным клубом для временнообязанных мужиков. Гудела, как растревоженный улей, пробуждающаяся от векового сна матушка-Русь. Мужик задумался над своим настоящим и будущим.

---

⁷ Архипов В. Поэзия труда и борьбы. Очерк творчества Н. А. Некрасова. Ярославль, 1961. С. 278—279. Следует иметь в виду, что наряду с интересными материалами и наблюдениями в книге много спорных и ошибочных положений.

⁸ См. об этом: Базанов В. Поэма «Кому на Руси жить хорошо» и крестьянское политическое красноречие // Рус. лит. 1959. № 3.

Эту особенность эпохи, этот рост крестьянского самосознания и активности, страстную жажду народом социальной правды должен был учесть писатель, желавший дать истинную картину жизни пореформенной России.

Такова та действительность, которая подсказала Некрасову замысел эпопеи и должна была найти отражение в ней. Но как связать все это в один узел, в какую художественную форму облечь столь универсальный замысел? Чтобы пореформенная Русь предстала в ее важнейших процессах и конфликтах, обнажилась обреченность и хищная цепкость старого, рождение и становление нового? Чтобы не только нарисовать крестьянство во всем многообразии реально-жизненных типов и понять его «подноготную», но и воздействовать на его сознание? Таким узловым, емким и многогранным, помогающим завязать эпическое повествование вопросом стал для автора вопрос о счастье.

В понятии «счастье» в органическом единстве присутствует социальное и нравственное, политическое и этическое содержание. В сущности, это вопрос вопросов человеческого бытия. Всеобъемлющим значением он и привлекает Некрасова. Для него это прежде всего вопрос об отнятом народном счастье и путях к нему, вопрос о социально-нравственных основах жизни народа и господствующих классов. В то же время это глубоко волновавший поэта вопрос о понимании счастья человеческой личностью, о том, во имя чего должен жить человек.

Этические понятия Некрасова складывались под несомненным влиянием В. Г. Белинского. Еще в «Литературных мечтаниях» великий гуманист писал о двух возможных жизненных путях и моральных нормах поведения человека: «Не забывай, что твое бесконечное, высочайшее блаженство состоит в уничтожении твоего Я, в чувстве любви. Итак, вот тебе две дороги, два неизбежные пути: отрекись от себя, подави свой эгоизм, попри ногами твое своекорыстное Я, дыши для счастья других, жертвуй всем для блага ближнего, родины, для пользы человечества... Ты не решаешься? Так вот тебе другой путь, он шире, спокойнее, легче: люби самого себя больше всего на свете... не бойся зла, когда оно приносит тебе пользу...»⁹ Творчество Некрасова 40-х годов убеждает, что поэт не остался равнодушен к призыву своего учителя.

---

⁹ Белинский В. Г. Литературные мечтания // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1948. Т. 1. С. 17—18.

Но особенно глубоко эти вопросы стали волновать Некрасова с середины 50-х годов. Очень больной, ожидавший смерти и потому как бы подводивший итоги поэт с особой настойчивостью задает себе вопрос о смысле человеческой жизни. «Жить для себя, — пишет он Тургеневу 29 октября 1856 года, — не всякий день хочется и стоит... и тогда приходит вопрос: зачем же жить? Поживем для того, чтобы хоть когда-нибудь кому-нибудь было полегче жить... Ах, милый мой Тургенев, как мне понравились твои слова... за готовность жить для других» (X, 299). Некрасов приходит к выводу, что только подвиг во имя другого дает истинное наслаждение (там же, 330), что отречение от своекорыстного «Я» есть ключ к разгадке тайны человеческой жизни: «Человек брошен в жизнь загадкой для себя, каждый день его приближает к уничтожению — страшного и обидного в этом много! На одном этом можно с ума сойти. Но вот вы замечаете, что другому (или другим) нужны Вы — и жизнь вдруг получает смысл, и человек уже не чувствует той сиротливости, обидной своей ненужности, и так круговая порука... Человек создан быть опорой другому... Рассматривайте себя как единицу — и Вы придете в отчаяние... Думайте, что и с другими происходит то же самое, и спешите к ним на помощь» (там же, 335). Нетрудно заметить большое внутреннее сходство между мыслями, выраженными Некрасовым, и вышеприведенным высказыванием Белинского. Высшим типом человека признается тот, кто «спешит на помощь другим».

Еще несколько абстрактная в приведенных рассуждениях поэта формула любви к другому в его дальнейшем творчестве наполняется социальным содержанием. Уже герой поэмы «Несчастные» (1856) Крот видит смысл жизни в служении людям, добру, родине. Отчетливое противопоставление двух жизненных идеалов мы находим в стихотворении «Песня Еремушке» (1858). Паразитическому существованию («И привольная, и праздная / Жизнь покатится шутя...»), несовместимому с «человеческими стремлениями», поэт противопоставляет высокие идеалы борьбы во имя Братства, Равенства, Свободы. И поэт уверен, что для человека, для его современника

Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца (II, 57).

Эта же мысль отчетливо выражена в стихотворении «Поэт и гражданин» (1856):

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно,
Умрешь недаром... (II, 11)

Таким образом, уже в конце 50-х годов поэзией Некрасова провозглашается этическая теория, которая учила видеть высший долг в борьбе за права угнетенного человечества.

Начав в поэме «Кому на Руси...» большой разговор с читателем о СЧАСТЬЕ, автор получал сюжетную возможность в духе этих моральных требований воздействовать на сознание своих современников. Как мы увидим ниже, проблема счастья в поэме в процессе повествования, развертывания сюжета будет раскрываться то со стороны ее социального, то со стороны ее нравственного содержания.

Поэма «Кому на Руси...» проста и сложна, как жизнь, отраженная в ней. Ее общий замысел, как растение в почке, заключен в «Прологе»:

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временно-обязанных,
Подтянутой губернии,
Уеда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень —
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка тож.

Уже в первых строках «Пролога» бросается в глаза очень своеобразное сочетание в нем неторопливо-эпических интонаций с исторической точностью и подчеркнутой публицистичностью. Угадать, где и рассчитать, когда происходит действие, нетрудно. Нищие МУЖИКИ — это Россия, «временнообязанные» — деталь, которая сразу отсылает читателя к затяжной и непогожей весне 1861 года, когда, переведенная на новое положение, мужицкая Русь взволнованно осмысляла сущность происшедших в ее судьбе перемен.

«На столбовой дороженьке
сошлись семь мужиков...»

О положении «освобожденного» крестьянства с первых же строк поэмы говорится с предельной ясностью. Названиями родных деревень семи мужиков автор сразу привлекает внимание читателя к острейшей социальной проблеме положения народа. При всей своей публицистической заостренности названия эти построены по типу реально существовавших. Так, в Ярославской губернии можно было встретить Горелово, Погорелово, Пожарово, Гари, Горелки, более пяти Погорелок, Голодухино, Дымоглоотово. В справочнике Нижегородской губернии (1863) указаны и описаны деревни Горелово, Заплатино, Дырино, Несытово.¹⁰ «По-видимому, как раз обилие деревень с такими названиями, особенно плотно сосредоточенных по Волге, и подсказало Некрасову путь социальной символической характеристики пореформенной Руси».¹¹ Именно символической, ибо названия Заплатово, Дырявино, Разутово, Знобишино, Горелово символизируют «холод», а Подтянутая губерния, Пустопорожный уезд, Неурожайка — «голод» в жизни многострадальной (Терпигорев уезд) русской деревни.

Условный характер названий деревень Некрасов подчеркивает и тем, что вносит в перечень их изменения: в главах «Помещик» и «Крестьянка» мужики не назовут Разутова, Знобишина и Горелова. Вместо них появятся иные (Несытово, Горелки, Голодухино), но не менее «говорящие» названия. Лаконичная деталь: деревни эти СМЕЖНЫ — подчеркивает повсеместность столь бедственного положения.

Но вернемся к завязке поэмы, форма которой подсказана Некрасову опять-таки фактами жизни. Мужики на столбовой дороженьке сошлись случайно:

По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому...

Один шел в кузницу, другой на базар, третий — за попом для крестин... Обычная повседневная жизнь деревни. «Сошлись — и заспорили», как часто бывало в ту тревожную непого-

---

¹⁰ Наблюдения К. Ф. Яковлева («От конкретных фактов к художественному обобщению») и Г. В. Краснова («Изображение народа в поэме Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“») // О Некрасове. Ярославль, 1958. См. также: Розанова Л. А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: Комментарий. Л., 1970. С. 49—50.

¹¹ Яковлев К. Ф. От конкретных фактов к художественному обобщению // О Некрасове. С. 246.

жую весну. Но разговор заходит не о том, как с помещиком размежевались, да попал ли мужикам в надел лесок... Заспорили семь мужиков о том,

Кому живется весело,
Вольготно на Руси.¹²

Этим вопросом социально-бытовое повествование Некрасов поднимает до уровня широчайшего обобщения, доводит до сознания читателя, что перед ним не бытовая повесть в стихах, а своеобразная «философия народной жизни».

Возникший «на столбовой дороженьке» спор временнообязанных мужиков о счастье, о «вольготной» жизни как завязка эпопеи — гениальная художественная находка Некрасова. Сюжетная ситуация, подсказанная временем, когда мужицкая Русь тревожно гудела, таила в себе неисчерпаемые возможности для художественного изображения самых существенных сторон общественной жизни пореформенной Руси.

Заставив мужиков-правдоискателей заспорить о счастье, Некрасов прежде всего художественно выявлял то пробуждение народного сознания, которое было косвенным следствием падения крепостного права. Вопрос, вставший перед мужиками, есть результат понимания ими своей обездоленности, проявление их возросшей активности. «Блажь» (стремление разобраться в вопросах социальной правды и неправды) так глубоко вошла в сознание мужиков, что «колом ее оттудова / Не выбьешь». Спор принимает азартные формы, переходит в драку, но «всяк на своем стоит». Ведь в споре о том, кому живется весело, вольготно на Руси, мужики высказывают шесть различных мнений:

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю...

---

¹² В словаре В. Даля указаны следующие значения слов «вольготно»: хорошо, легко, удобно, свободно, раздольно, просторно, привольно. Следовательно, основной смысл слова состоит в указании на свободу, отсутствие ограничения, стеснения. Уже в вопросе, поднятом мужиками, понятие счастья неотделимо от воли.

Не сговариваясь, спорщики, однако, едины в том, что основа счастья — материальный достаток, богатство: все 6 предполагаемых счастливых принадлежат к верхним слоям общества. Иного суждения и не мог высказать изголодавшийся мужик, для которого «каша с маслицем» и «щи с сметком» — недостижимое благополучие.

Не установив истины ни криком, ни дракой, мужики-правдоискатели решают «в домишки не ворочаться», «покуда делу спорному / Решенья не найдут», тем самым проявляя свое упорство в стремлении узнать: кто счастлив, в чем оно, это счастье, состоит и почему им, мужикам, оно неизвестно? Встречи с помещиком, чиновником, попом, купчиной толстопузым, министром и царем и должны были составить основу сюжета «Кому на Руси...». Эта вытекающая из формулы спора сюжетно-композиционная схема давала автору возможность нарисовать эпически широкую картину жизни пореформенной России, картину жизни по существу всех общественных ее групп и классов. Более того, возможность столкнуться лицом к лицу народ и его поработителей, противопоставить жизнь трудового крестьянства жизни господствующих классов России, показать полярность их идеалов, несовместимость их интересов, воспитывать в мужике ненависть к его врагам.

Благодаря найденному композиционному приему (страстие мужиков в поисках счастья) вся жизнь современной Некрасову России предстает в видении, восприятии ее народными героями. По остроумному выражению П. Н. Сакулина, «мужички производят генеральный смотр России»¹³ и всему дают свою оценку. Посвящением поэмы «Коробейники» Некрасов отдавал искусство на суд народный. В поэме «Кому на Руси...» он пошел дальше, признав за «мужиком» право высшего нравственного суда над современной ему общественной жизнью России. «Некрасов превратил крестьянина в героя, судью, допрашивающего: „Кому живется весело, вольготно на Руси?“ Впервые в русской литературе крестьянин был возведен на такую высоту, впервые с такой реалистической силой все стороны жизни были оценены с точки зрения крестьянства».¹⁴

Автор строит поэму так, что представители всех сословий самым вопросом «Ты счастливо живешь?» поставлены перед

¹³ Сакулин П. Н. Некрасов // Некрасов в русской критике. М., 1944. С. 105.

¹⁴ Еголин А. Идеалы Некрасова // Лит. наследство. М., 1946. Т. 49-50. С. XVI.

необходимостью задуматься над самым главным. Они, по воле автора, держат перед странниками, олицетворяющими «мнение народное», ответ за всю свою жизнь, они, «как на духу», исповедываются, отчитываются, раскрывают свою душу, свои идеалы, свои представления о счастье, в результате чего повествование получает психологическую окраску.

Таким образом, сюжетно-композиционная структура произведения, намеченная «Прологом», оказалась очень удобной для создания монументального социально-психологического полотна, эпопеи русской жизни. «Некрасов задумал на огромном полотне изобразить всю Россию, осветить исторические судьбы великого народа, только что вступившего в новый период своей жизни. Захотелось все мотивы, которые поэт разрабатывал по частям, стянуть в один крепкий узел. Идея необъятная, почти фантастическая. Для воплощения ее необходимы чрезвычайные средства, тоже фантастические. Поэт так и поступает. В сказочном стиле ведет он пролог!»¹⁵

Еще в 1878 году О. Ф. Миллер обратил внимание на близость «Пролога» поэмы к сказке о Правде и Кривде.¹⁶ Сюжет сказки сводится к следующему. «Раскалякались промеж себя» двое бедных-пребедных мужичков о том, чем лучше жить, правдой или кривдой. Мнения разошлись. Мужики идут на дорогу и спрашивают (до трех раз) встречных: крестьянина, купца и приказчика. Выясняется, что Кривдой жить легче, что в мире господствует Неправда, Неправдой и живут богатые. Однако мужик, стоящий за правду, с помощью волшебных сил награжден, а стоящий за Кривду, наказан.

Близостью к его творческому замыслу и обратила на себя внимание Некрасова эта сказка. Но близость не есть тождественность. В сказке ставится нравственная проблема: чем лучше жить, правдой или кривдой? У Некрасова на первом плане — социальная проблема: кто живет правдой, т. е. собственным трудом, а кто кривдой, т. е. за счет других, захребетником. Некрасов берет из сказки мотив правдоискательства, столь характерный для фольклора и отражающий тоску народа по социальной справедливости, но наивной вере в providение, звучащей в сказке, противопоставляет в поэме борь-

---

¹⁵ Сакулин П. Н. Некрасов. С. 105.

¹⁶ В 1863 году Некрасов читал и перечитывал сборник А. Афанасьева «Русские народные сказки», в котором наряду со сказкой «Морозко», использованной в поэме «Мороз, Красный нос», находилась и сказка о Правде и Кривде.

бу за единственный реальный путь к торжеству правды в обществе.

Сюжет сказки о Правде и Кривде придал замыслу Некрасова, подсказанному русской действительностью, своеобразную художественную форму. Накладываясь на реальные впечатления жизни, он определил и число спорящих мужиков (эпическое 7), и мировоззренчески-философский характер спорного вопроса, и решение правдоискателей опрашивать встречаемых. Вероятно, ориентация Некрасова на один сказочный мотив (сказка о Правде и Кривде) имела следствием привлечение в поэму и других фольклорных элементов. В сказочном стиле ведется зачин, широко используется эпическое число 7 (7 мужиков, 7 филинов с 7 дерев). Говорящая птичка в виде выкупа дает странникам скатерть-самобранку. Упоминание о кладе, о лешем, интерес животных к спору мужиков, прием ретардации, сопровождающий повествование, — все это придает «Прологу» сказочный колорит. Фантастический план, однако, очень органично совмещен в поэме с реальным и не нарушает художественно-стилевой цельности «Пролога».

Заспорившие временнообязанные мужики полны сознания своего бессилия. Нет у них крылышек, чтобы «царство облететь», а если «Русь-матушку / Ногами перемерить», так где взять хлебушка? Без него в путь не отправишься, какая бы «блажь» не «втемяшилась» в головы упрямых мужиков. Да ведь еще нужно «доведать» помещика, министра, царя. Допустят ли они мужиков к своей особе? На помощь приходит авторская фантазия (народная фантастика), подарившая странникам скатерть-самобранку. Теперь мужики сыты и одеты, и автор, отправляя их в странствие, может, не отвлекаясь на бытовые мелочи, вместе со своими героями заняться выяснением волнующих их вопросов.

Получение скатерти-самобранки временнообязанными мужиками не кажется в поэме неожиданным. Почему? Потому что семь мужиков — это условный эпический (7) образ, это мужики вообще, олицетворение многомиллионного русского крестьянства, своеобразием исторического момента (временнообязанные) поставленного в условия безвыходной экономической нищеты (названия деревень), но проснувшегося от вековой спячки. Даже имена странников — чисто крестьянские — служат не индивидуализации образов, а лишь средством социальной атрибуции героев. А. И. Груздев обратил

внимание на то, что и говорят-то некрасовские мужики хорошо, что «их ответы, реплики и т. д. даны без выявления конкретного субъекта речи».¹⁷

Известно, что образы сказки характеризуются очень высокой степенью обобщенности. Введение в поэму сказочного, эпического начала придало образам ее характер особой широты и типической значимости. В дальнейшем повествовании реалистическое содержание как бы прорывает оболочку условно-сказочной схемы, и это придает поэме новые своеобразные очертания, но реалистически точно нарисованные картины жизни до самого конца поэмы будут художественно совмещены с условно-поэтической обобщенностью «Пролога».

Близкая народной сказке форма поэмы рассматривалась Некрасовым и как средство приближения литературы к поэтическому сознанию русского крестьянства. Она создавала возможность смыкания с народным мышлением и идейного воздействия на него.

Всякий, кто писал стихи, знает, что поэтическая мысль, возникшая в сознании поэта, толкает его на поиски нужного для ее выражения ритма и, только обретя эту ритмическую форму, легко кристаллизуется в словесную стихотворную ткань произведения. Некрасову нужна была стиховая форма, в ритмический рисунок которой свободно укладывалась бы разговорная народная речь. И поэт нашел ее. Каждая стихотворная фраза основного повествовательного массива поэмы состоит из нескольких (количество их постоянно меняется) строк трехстопного ямба с нарощенным дактилическим окончанием, но замыкается строкой чистого ямба:

В ка́ком | го́ду | — расчи́тывай,
В ка́кой | земле | — уга́дывай.
На стол|бовой | доро́женьке
Сопли|сь | семь му́жиков.

Различные вариации дактилических и мужских окончаний придают строфике «Кому на Руси...» бесконечное ритмическое разнообразие. Следуя традициям русской народной поэзии, Некрасов отказывается от рифмовки стиха, ограничиваясь дактилическими клаузулами, придающими ему эпическую неторопливость и певучесть.

---

¹⁷ Груздев А. И. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Русская классическая литература. Разборы и анализы. М., 1969. С. 286.

Итак, «Пролог» содержит завязку всей поэмы, намечает линии ее дальнейшего развития. И сюжет, и композиция, и манера повествования, и стиховая форма — все подчинено одной задаче: создать эпопею русской пореформенной жизни.